

С ВЫСОТЫ ДЕВИЧЬЕЙ БАШНИ

Я проснулся около пяти утра от потребности вспомнить, какое число наступило этой ночью. Оставшееся время я лежал в постели со скоростью тридцать оборотов в час и пытался уснуть под аккомпанемент чахоточной перебранки кондиционера с холодильником. Каждый из конкурирующих приборов надрывно устранял последствия трудов визави. В девять, до боли в бровях измученный процессом засыпания, я со злостью успокоил обоих. Тишина в номере установилась сразу, а к моему уходу и температура снизилась до уровня природного фона.

Число оказалось натуральным. Согласно моей нумерологии, это вернейший признак, что день будет неудачным. Прожить его — пустая трата времени. Закавказье принято считать зоологическим раем. К этой поездке я подготовился основательно, как к госэкзамену по философии. Лекцию об анатомии местной гюрзы мог бы продекламировать среди ночи и с любого сантиметра. Казалось, только я сойду по трапу, со взлетно-посадочной полосы взметнется рой меланаргий иранских, зорек армянских и прочих раритетов, принесших мировую известность Азербайджану. На деле выяснилось, что фауна Баку очень невыразительна: все те же космополитичные репейницы да репницы.

Да еще передвижной зверинец на набережной, где, судя по издававшимся крикам, не было зверя страшнее павлина.

Я прилетел в Баку, чтобы принять участие в чемпионате мира по "Что? Где? Когда?". Спортивное "Что? Где? Когда?" довольно странное состязание, когда в рамках общего зачета одни участники пытаются ответить на надуманные вопросы, а другие — доказать, что на эти вопросы отвечать не следовало. В общем, занимаются ерундой. Сюда добрались те, кто делает это профессиональнее остальных. Вменяемых людей в этой среде очень мало, да и тот не любит кошек.

Что хорошего можно ждать от прогулки по такому городу в такой день с сотней таких попутчиков?

* * *

Верхняя часть Девичьей башни разлинована выступающими горизонтальными ребрами шириной в стопу. Кажется, что они задумывались как удобная пожарная лестница, возведенная над капищем огнепоклонников. Трехчастный силуэт башни почти всегда присутствует на эмблемах про-

САНТЕХНИК. О боже! Она меня укусила! Это опасно?

ЛЮБИТЕЛЬ. Ничего страшного.

САНТЕХНИК. Правда? Слава богу!

ЛЮБИТЕЛЬ. Конечно. Тоже мне трагедия. Сантехником больше, сантехником меньше...

* * *

С ученым-зоологом беседует репортер.

РЕПОРТЕР. Ну, расскажите, профессор, над чем вы работаете?

ПРОФЕССОР. Мы бьемся над проблемой века — боремся с безумием коров. Есть гениальная идея и первые успехи.

РЕПОРТЕР. Неужели?! А в чем идея?

ПРОФЕССОР. Я понял, что безумия можно избежать, если у коровы вообще не будет мозгов! И вот — уже результат. *(Показывает фото коровы.)*

РЕПОРТЕР. Гениально! Неужели у этой коровы нет мозгов?

ПРОФЕССОР. Не совсем. Мозги пока есть, но тупаяяя!

Кинозал нашего Городка

Худ. фильм "Побег из Шоушенкского"

В камере два эка.

1-й. Вот судьба проклятая — видеть небо в клеточку.

2-й. Надо быть хозяином своей судьбы! *(Заговорщически)* Смотри, что у меня есть! *(Достаёт из-за пазухи ложку.)* Ты смотрел фильм "Побег из Шоушенка"?

1-й. Нет.

2-й. Темнота! Мы будем рыть подкоп!

1-й. Точно! Ты гений.

2-й. Правильно. Так что ж мы сидим?

Бросаются к стене, ковыряют. К концу дня они сидят у стены, вытирают пот, рядом кучка земли.

1-й. Ого, сколько за один день накопили! Вот так лет 5 рыть каждый день — и подкоп готов! Здорово!

2-й. Точно. Жаль только, что не выйдет у нас ничего, не вырыть нам тоннель.

1-й. Почему это?

2-й. Потому. У нас с тобой послезавтра срок заключения кончается...

ходящих в Баку мероприятий. Она такой же символ Баку, как Эйфелева башня символ Парижа, а Писающий мальчик — Брюсселя. Неудивительно, что она стала тем единственным объектом, который был выделен организаторами для экскурсии. На появление такого количества туристов одновременно нынешний гарнизон башни рассчитан не был. К сожалению, в пересчете на одного знатока, каждому досталась столь ничтожная часть экскурсовода, что расслышать удавалось одно слово из трех. Вот что, после заполнения лакун, стало понятно мне:

Эта земля веками переходила от одного завоевателя к другому. В двенадцатом веке такое унижительное положение, наконец, надоело гордому и свободолюбивому зарождавшемуся азербайджанскому народу. Древнюю зороастрийскую башню надстроили и превратили в мощное восьми-ярусное укрепление, где в минуту опасности могли скрыться пара сотен женщин и детей. Теперь порабитители, захватив город, оказывались у неприступных стен каменной твердыни. Количество энтузиастов, готовых заниматься альпинизмом ради еще нескольких изнуренных голодом затворниц, покуда их расторопные соратники будут брать контрибуцию в овдовевших гаремах, стремилось к нулю. Обычно уже через пару недель процесс ассимиляции победителей становился необратимым. Тогда исхудавшие красавицы, застенчиво потупив глаза, вереницей покидали цитадель, в очередной раз оставшуюся неприступной. Неприступные девицы сразу же, метрах в двадцати от выхода, вносили свою лепту в формирование новой народности, а неприступная ("девственная") цитадель за свою неприступность получила название Девичьей башни. В наши дни древняя непокоренная твердыня заслуженно считается символом легендарных мужества и стойкости непобедимого азербайджанского народа.

Вид на Баку со смотровой площадки очень красив. На радость экологам высокие окрестные склоны с давними признаками перевыпаса укреплены корневищами новостроек: город стал родным для половины населения страны. Прямо под ногами дыбятся крыши исторического центра. Чуть поодаль видны карнизы "Караван-сарая". Его вывеска исполнена вязью, шрифт которой не оставляет сомнений, что здесь вы всегда сможете получить свой стакан Кока-Колы со льдом. Пустошь лазурного моря оживлена живописно расставленными нефтяными вышками, подобными черным мачтам флибустьерской регаты. Мэр любого курорта без колебаний бы расплатился самым отборным воздухом, лишь бы приобрести возможность развлекать отдыхающих этим аттракционом. Но тут уж как кому повезет. На одних курортах пляжники любят вышки, на других

пришлось ограничиться НПЗ. Вопреки ожиданиям, Баку пахнет не нефтью, а мылом, потом и шампунем.

Воспользовавшись случаем, я оценивающе заглянул вниз. По легенде, перед глазами сорвавшегося с вершины башни человека снова пройдет вся его жизнь. Поколебавшись, я нехотя отодвинулся от края: пусть я не пролетел бы живым и половины пути, смерть от скуки — один из самых мучительных видов смерти.

Вид на Баку со смотровой площадки очень волнующ.

Тем временем официальная часть экскурсии завершилась, и освободившиеся слушатели с видимым облегчением разбежались в поисках главной архитектурной достопримечательности. Уже через пару минут отовсюду эхом доносилось "Цигель-цигель-ай-люлю". Это аюкались эрудированные участники чемпионата мира, и, как минимум, с двух противоположных сторон в их голосах слышалась неподдельная радость узнавания.

Я остался один.

От диких орд азиатов город надежно защитили горделивые белокаменные стены. Положа руку на сердце, у наших новых соседей по даче стены, конечно, метра на полтора горделивее будут, но зато ведь у нас и район какой! Криминогенный...

Можно предположить, что бакинские ласточки сильно отличаются от московских. Характерные "ласточкины хвосты" приобрели здесь подковообразную форму. Протянувшиеся поверх стены бесчисленные зубцы больше напоминают традиционный русский головной убор. Нескончаемая шеренга кокетливых кокошников — украшательство, немыслимое для европейской культуры фортификации. Светлая поверхность, в полном соответствии с законами поглощения и отражения, немилосердно дышит жаром. Впрочем, законы поглощения в этом городе не известны вовсе, зато в законы отражения вводится дополнительный множитель пи. Несмотря на близость вечера, солнце не стало ни ниже, ни холоднее, лишь чуть-чуть добавило в спектр розовые оттенки. Солнце светит со всех сторон сразу, его четкий диск бойко отражается от вымытых окон, от полированных очков, от хромированных автомобилей, натертой обуви и пыльного асфальта. Зной мог бы сделаться невыносимым, если бы не бакинский ветер. Судя по пригнутым к земле стволам сосен, город хорошо проветривается.

...Кокошники (я, наконец, догадался уподобить их чешуям на хребте стегозавра, возвращая себя в уютное поле образов богатырского эпоса) выгибаются дугой и уходят за фасады домов. Старый Баку покоится

в объятах старого стегозабра. Длинного, флегматичного, много повидавшего стегозабра-альбиноса. Каждому опытному туристу понятно, что это тонны, тонны, тонны сувениров! Бронзовая бирка на внутреннем боку сухо извещает, что данный памятник архитектуры учтен и носит инвентарный номер 4. Несомненно, такая обстоятельность весьма облегчает проведение плановой инвентаризации по окончании туристического сезона.

Теснота района за крепостной стеной делает его похожим на огромную коммунальную квартиру. Проходя по незнакомой улочке, кажется, будто крадешься по общему коридору, куда выходят двери комнат, а не парадных. Раскатанные по асфальту ковры еще более подчеркивают камерность обстановки. Для нервной системы, отравленной одесским менталитетом, такая прогулка может стать тяжелым испытанием. Каждую секунду я ожидал услышать пронзительный окрик за спиной: "Ма-а-аладой человек! Вы кого-нибудь ищите?!". Можно будет даже не оборачиваться, чтобы узнать ее, ту самую даму непреклонных лет и спортивного телосложения, как у толкательницы ядра. Прикрутив газ под kloкочущим варевом, хранительница очага отставит самые неотложные дела и, по-хозяйски демонстративно, прямо в своих плюшевых тапочках, проследует за мной, проверяя, не свернул ли я в ненадлежащий подъезд, да не слишком ли близко прохожу мимо открытых окон. Лишь когда я пойму, что сегодня добычи не дожидаться, и окажусь за пределами стен (инв. N 4), воительница сочтет себя исполнившей долг и вернется к выкипевшей стряпне. Соседки еще долго будут иметь возможность сочувственно слушать о зловонных взглядах рецидивиста, что я бросал через плечо, и об опасности, которой подвергает себя слабая женщина, если хочет не дать состояться правонарушению...

Нет, — я внес поправку на восточный темперамент, — все произойдет не так. Когда я по неосторожности попаду в запретный квартал, жестокая красавица с миндальными глазами без предупреждения заколет меня вилкой дамасской стали, а мой труп бросят на съедение акулам... в ближайшее море... Мечты были безжалостно оборваны приветствием, поэтому дальнейшие похождения трупа остались невыясненными.

Владелец одной из бесчисленных сувенирных лавчонок пригласил меня вовнутрь. Три слоя в меру роскошных, в меру персидских ковров надежно оберегали стены лавки от переохлаждения. Источенные частым орнаментом кинжалы (хранить которые следует при музейных температуре и влажности, а осквернить их соприкосновением с человеческой брюхой было бы преступлением) грудой татуированной скумбрии вывалены на прилавок. Со-

кровища — сертифицированные министерствами культуры и здравоохранения — искушали опорожнить карманы. Увы, на использование оставшихся полутора долларов мой желудок уже успел наложить свое заgrabущее veto. Я с сожалением был вынужден объяснить гостеприимному торговцу, что покупать все равно ничего не стану, поэтому и не хочу зря отнимать у него время.

— Все равно заходите, просто посмотрите, — доброжелательно улыбнулся он.

Баку ничуть не похож на коммуналку.

Старый Баку стал и музеем, и фешенебельным бизнес-центром. На балкончиках, прорвавшихся за середину улицы, истекают шампунем перекинутые через перила восточные ковры. Покуда ковры и балкончик придают друг другу национальный колорит, струйка пены пересекла золоченную латунью табличку Азербайджано-Австралийской государственной нефтяной компании. У входа припаркованы Лексус и шестерка. Обладая достаточным опытом, водитель сможет проехать по улице, шириной, на четверть превосходящей ширину автомобиля. Хороший водитель сможет вернуться по ступенькам задним ходом. Но ведь они должны были еще и вот в этот вот вираж вписаться? Скорее всего, машины вносят на руках или собирают на месте.

Как любой достаточно старый город, Баку может гордиться шириной своих улиц. И в Таллинне, и в Риге вам на память процитируют средневековые законы о минимальной ширине улиц, о том, как на них решалась проблема организации двустороннего движения пешеходов. В Баку повествовать об аналогичных уставах было некому, возможно, поэтому у меня сложилось впечатление, что их не существовало вовсе. Я прошел по самой узкой улице в мире, протиснулся в еще более узкую и вдруг увидел стену. Не "инв. N 4".

За оборонительной стеной высился купол, похожий на заточенное яйцо. Если я и вправду искал районы, опасные для жизни бестолкового туриста, мне сюда. Впрочем, на самом деле это место едва ли могло быть очагом религиозного фундаментализма. До полного ренессанса ислама в стране пока еще далеко. По улицам, как ни в чем ни бывало, ходят обнаженные по горло женщины. В Баку это никого не смущает.

Массивная ограда была закончена много позже остальных построек, и в ее стиле уже проступало мощное османское влияние: суровая внешность отечественных образцов сочеталась с лоском и обороноспособнос-

тью турецкого ширпотреба. Несмотря на то, что это состоящее из одних шипящих и рычащих название мне ни о чем не говорило, инвентарный номер достопримечательности убеждал, что попасть в Баку и не побывать в Ширваншах-сараях — себя не уважать.

Привратная табличка была выгравирована еще во времена официального двуязычия, поэтому надпись на азербайджанском (кириллица) проясняла надпись на азербайджанском (латиница). Я попытался представить себя иностранцем и понять их смысл по нанесенным рядом пиктограммам. Собака... Собак при мне не было. Я даже обернулся убедиться, что ни один местный пес не увязался за мной во дворец. Должно быть, обе собаки, встреченные за три дня пребывания в городе, занимались исполнением планов, со мной никак не связанных.

В кассе, что уже стало почти привычным, приоритетное право на посещение для граждан страны охранялось протекционистской таксой. Как человек, владеющий азербайджанским в пределах общекультурного цегля-ай-люлю, я не обольщался относительно шансов сэкономить. К счастью, разница в цене для бывших соотечественников оказалась не так разительна, как карательная двадцатикратная в Эрмитаже.

Дворец состоял из серых каменных дворишков, соединенных проходками и расположенных на разных уровнях, как рисовые поля на склоне бархана. Прыгая до нечитаемости план-схема неопределенно сулила заблудившемуся туристу все необходимое для полноценного отдыха, от купален до усыпальницы. Я засмотрелся на схему, пытаюсь сообразить, куда неорганизованный посетитель должен податься в первую очередь. Пять минут спустя я окончательно убедился, что картограф не собирался навязываться в посредники между мной и моей интуицией, и отправился к той двери, к которой настойчивее увлекал внутренний голос. Сквозь проем просматривалось затемненное помещение. Помещение было перегородено могучим столом, оформленным деятельным гастрономом-энциклопедистом. К моему искреннему огорчению, ничего напоминающего указатель "Начало экспозиции" на столе не нашлось. Я попятился назад, но своим ищущим взглядом уже поднял на ноги одну из сотрудниц.

— Can I help you? — участливо поинтересовалась она.

Хотя понять эту нехитрую фразу труда не составило, я предусмотрительно отозвался не увлекающим в дебри лингвистики "Что?". Я отлично знаю, чего я не знаю: к счастью, пятнадцать лет изучения языка не прохо-

дят бесследно. "Что-что?" в ответ на вопрос на азербайджанском получилось куда менее наигранным.

— Вам чем-нибудь помочь? — переспросила она, на глазах теряя интерес ко мне.

Если собеседников объединяет только нежелание общаться, они легко найдут общий язык. Я наскоро извинился за испорченный собою ужин и ретировался в нижний двор, глубокомысленно размышляя об атавистическом единстве соматики внутреннего голоса и обоняния.

У внешней стены двора притулилась восьмигранная башенка предельно лаконичной архитектуры, с каменной пирамидальной крышей. И в заброшенный подвал, и внутрь самого строения заманивали две интригующе приоткрытые решетки. Я без промедления шагнул к лестнице, но в углу двора заметил смотрительницу музея, служебные обязанности которой не позволили ей присутствовать на банкете. Скрыть мои хулиганские поползновения было уже невозможно, и я попытался перейти на легальное положение.

— Мне сюда можно войти?

— Да, — с некоторым удивлением разрешила она.

Раз уж попытка украдкой проникнуть в тайную комнату сорвалась, я с достоинством направился осматривать музейное помещение, спуская себя по крутым ступеням — величественно и с гордо поднятой головой. Надеюсь, я не очень сильно повредил арку входного проема... Минуту спустя, когда зрение восстановилось, я смог детально рассмотреть подземельные сумерки. Круглая камера двух-трех метров в диаметре. Вверху, чуть выше уровня земли, типичное полуподвальное окошко — пара выбитых кирпичей. Могло бы быть единственным источником света, если бы эта сторона башни не примыкала к глухой ограде дворца. На полу — то ли земляном, то ли очень пыльном — покоится каменная плита. В головах (впрочем, где у этого параллелепипеда голова, а где ноги?) еще один камень. Похоже, сразу после обработки это был конус. Сейчас тоже конус, но усеченный. Не то склеп, не то узница, не то склад наглядных пособий по стереометрии. Унылое место.

Я поднялся к свету... Когда зрение восстановилось, смотрительница стояла рядом, готовая послужить мне гидом.

— Это — пир, — внесла ясность она. — Если там загадать желание, оно исполнится. Вы загадали желание?

По ее уверенной интонации стало ясно, что если я, не мешкая, воро-

чусь в подвал, мои желания исполнятся незамедлительно, независимо от их наличия.

— Непременно спущусь еще раз, — галантно пообещал я, любуясь кстати разложенными возле стены каллиграфическими глыбами расколотых коранических текстов. Добросовестно так люблюсь. Вкладывая в любовование всю душу.

— Впрочем, почему бы и нет? — лениво прикидывал я. — Разве действительно не сохранилось желаний, которые я не способен реализовать сам? Мне есть что загадать, когда никто не будет мешаться рядом. Надеюсь только, мое желание исполнится во сне, быстро и безболезненно...

Возвышенным мыслям можно предаваться часами. Откровенно заскучившая смотрительница окинула двор прощальным взглядом, обижено пошуршала билетиком, отбросила скомканный шарик в кусты сирени и зашагала к выходу. Пора. Я юркнул внутрь, проникновенно молясь на бегу, чтобы и в этот раз за мной никто не увязался.

...!!!

Молитва удалась. Что ж, по крайней мере, теперь я точно знаю, что это устройство действительно работает. И могу целый год тренироваться загадывать желания.

Очарование дворца сродни ноябрьскому очарованию норвежского фьорда. Его стены, пусть не боевые, а в лучшем случае боевитые, охраняют красоту, лишённую декоративности. Единственный архитектурный элемент, без придания которому пышности постройка не будет считаться законченной, это двери. Как материализация потерявшего меру восточного гостеприимства, дверь украшается узором, растягивается вширь, растёт. Двери не хватают стен, дверь становится выше здания, в которое пропускает. Для архитектора порталы это не виньетки дверей, это повод для строительства. На их оформление орнаменталисту выдается карт-бланш. Неувядающая листва обвила каждый сантиметр портала, его изображение можно использовать в учебнике ботаники как иллюстрацию к теме "листовая мозаика". Поверху протянулась арабская надпись. Каменотес вывел буквы головоломным вариантом почерка "насхи". Того самого насхи, каким его работающим по бумаге коллегам удавалось за день управиться с двумя строками манускрипта, и только самые алчные ремесленники ухитрились перейти на третью. Virtuозные рельефы мастера вдохновляют камнерезов-дилетантов. Известняковые блоки испорчены незаживающими граффити: даты, города, фамилии. Кто-то посетил дворец

в 1923-ем году, кто-то в 1890-ом. Особенно глубокую память облицовке дворца оставил по себе неутомимый АСАДЪ КАРИМОВЪ. Поблизости можно разглядеть по-детски прочерченный силуэт аэроплана. Будь моя воля, тонкую грань между "вандализм" и "охраняется государством" эта стенография перешагнула бы полвека назад.

Мне удалось укрыться от зноя в высоком толстостенном зале без особых украшений. В таком было бы удобно устраивать пиры или балы, хотя теперь уже не скажешь наверняка, как его использовали на самом деле. Стена напротив входа акцентирована нишей, к которой могли бы пристроиться несколько придворных музыкантов, а по обе стороны от нее в полуметре от пола проделано два хода, ведущих куда-то вверх. Пожалуй, такому ходу точнее подошло бы слово "лаз". Его ширина очередной раз возвращала к мучительным вечным вопросам. Откуда я? куда я иду? кто я? Представительный или толстый? шатен с серыми глазами или голубоглазый блондин? — тварь ли я дрожащая или право имею? Воскресную тишину зала нарушали только мои каблуки, лишь где-то за стенкой, шурясь в прицел, иступленно щелкала затвором молодая пара.

Значит, на этот раз можно не слишком углубляться в проблемы самоидентификации. Скрючившись, я стал подниматься по высоченным но, как здесь принято, истертым, ступеням. Поворот направо, и, словно поршень шприца, я вытолкнул застоявшийся воздух лестницы в маленький уютный чуланчик. Обреченно осмотрел брюки и констатировал добросовестную работу неизвестного маляра.

По всему полу был распределен слой пыли, как в прыжковой яме, в ней сиротились забытые отпечатки кроссовок 37-го размера. Похоже, ступеньки стоптали не в этом году, а может быть, даже не в предыдущем. Сквозь каменные соты оконной решетки комнатка прекрасно освещалась солнцем, и это казалось странным для ансамбля, зодчие которого походя глумились над каждым из принципов Ле Корбюзье. Сонный запах столетий завораживал. Во второй половине дня столетия пахли теплым известняком, одиночеством и просроченными отрывными календарями. Само время словно законсервировалось в этой заброшенной комнате. А после последних реставрационных работ даже слегка засахарилось. Я остановился у окна, примеряя на себя обитель, как мидия примеряет новую раковину. Пока я с содроганием прикидывал, смог бы я всю жизнь любоваться этим клочком зелени — трогательным диссонансом, ворвавшимся в гармонию каменной музыки, — века совсем исчезли, и я воочию прозрел

тот чудный мир, говорить о котором можно только рифмованными двустишиями. Когда-то за этой решеткой запасливые властители укрывали от мира своих прекрасных фавориток. В этой келье проходила вся их не богатая событиями жизнь. Здесь под влиянием гиподинамии с необходимостью созревала та пышная красота, идеалы которой формировались поколениями ревнивцев. Под этим цветущим кустом, у этого самого окна рыцарственный менестрель самозабвенно импровизировал на уде, и мысли поэта выстраивались в летучие бейты. Вот ниша, где жилища хранила благоволия. Здесь лежали "Хосров и Ширин" Низами с миниатюрами лучших мастерских Тебриза. Здесь была ее лежанка, а вот отсюда она только что уронила светильник. Время шелестело песчинками и расходилось кругами в колбе клепсидры. Время тикало и...

Я посмотрел на часы. И поспешно спустился по лестнице, оставляя тупыми коленями синяки на подбородке. Выскочив наружу, я обернулся, чтобы напоследок еще раз полюбоваться абрисом купола дворцовой мечети... Как почти написал Николай Васильевич Гоголь, многое означает у русскоязычного человека почесывание в затылке. Неуместные агонизирующие призраки очаровательной отшельницы и менестреля, обидно ругаясь, растворялись в вечеряющем небе. Что ни говорите, а в идее экскурсовода есть рациональное зерно.

* * *

Если целый день твоим поводырем были собственные ноги, рано или поздно улицам, поднимающимся вверх, ноги станут предпочитать боковые переулки, а горизонталям — спуск. В приморском городе невозможно заблудиться. Как бы ни захотелось. Когда стемнело, я обнаружил, что снова нахожусь на набережной.

В нескольких сотнях метров от гостиницы начали встречаться компании людей, на всю манеру держаться которых наложила неизгладимый отпечаток многолетняя привычка думать "на три-четыре!". Стало ясно, что дворец и мавзолей, увешанные сталактитами порталы, табличка с портретами рогатого Символа Города и Протекционистской Таксы, фонтаны и мечети остались в далеком-далеком прошлом. Выходной день бескомпромиссно закончился. Как говорят заглавные герои ночных кошмаров — добро пожаловать в реальный мир, дорогой.

ИЗДАНО В ОДЕССЕ

Феликс КОХРИХТ
Эпиграф — из Бабеля 314

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Эссе, воспоминания, стихи 316

Анна БЕНЬКОВСКАЯ
"Я давно живу в стихах..." 318

Олег ГУБАРЬ
Ретроспективная периодика Одессы 320
